

Навстречу ветрам и тревогам

Сергей ОРЛОВ. — В ЛЕГКОЙ ПЕСНЕ БЕРЕЗ. Книга стихов. М., «Современник», 1983.

В аннотации к этой последней книге Сергея Орлова сказано: «В книгу вошли стихотворения, которые при жизни почти не печатались, а также стихи из его ранних сборников. Лирика пронизана ощущением Родины, России, материнской земли...»

Стихи, которые при жизни не печатались... Не у какого-нибудь непризнанного поэта, открытого спустя годы после его смерти, а у Сергея Орлова, «ведущего», «известного», «крупнейшего», как писали о нем при жизни. У Сергея Орлова, желанного автора любого издательства, от Северо-Западного в Архангельске до «Художественной литературы» в Москве, входившего в «обойму» самых авторитетных мастеров литературы военного поколения, а подчас и возглавлявшего ее, особенно когда речь шла о фронтовой поэзии. У Сергея Орлова, «раздерганного» на тысячи цитат критиками, переведенного на десятки языков внутри страны и за ее пределами.

И вдруг — полтора стихотворения, целая большая книга, пролежавшая годы в письменном столе. Отчего бы это? Конечно, первое, что приходит на мысль: вот опять издатели оказывают писателю медвежью услугу, издавая посмертно то, что автор не считал нужным издавать, относил к «издержкам производства». Один известный поэт, между прочим, так мне и сказал: «Не ищите здесь никакой тайны. Сережа был требователен и далеко не все написанное относил к своим удачам. Будь он живой, это и сейчас не увидело бы света».

Вроде бы некоторые стихи подтверждают эту строгую оценку.

Над городом синие тени,
закат отгорел и погас,
и света и тени смешенье —
какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
какая-то на сердце грусть.
О светлом, несбывшемся думы,
знакомые мне наизусть.

1947 год. Ранний Орлов, словно бы осторожно ступающий по тонкому льду непривычной ему лирической темы. Орлов как будто нерешительный, «оглядчивый», застенчивый своей «думы», своей душевной неустроенности. Трудно соединить в одно целое эти робкие строки со знаменитыми строками «Его зарыли в шар земной», написанными примерно в это же время.

Да, среди стихотворений этой книги есть неудавшиеся, неперепечатанные автором, стихи-конспекты, не реализованные до конца, а как бы оставленные на полдороге.

И все же, читываясь в книгу, все сильнее ощущаешь ее цельность, ее художественную обязательность, даже ее программность.

Сергей Орлов был поэтом ищущим, в его стихах не раз звучала нота суровой требовательности к себе, к своему поэтическому слову.

«Я роюсь в груди обветшалых слов и целой жизнью меряю потерю», — писал он. «Ни перед кем не виноватый. Не сват кому-то и не брат, с корявым рылом бородастым опять в калашный лезу ряд. Зачем? Не знаю сам ответа. Иду потрепан, бит и мят. Такая выпала планета, а ей ведь в зубы не глядят», — с иронической усмешкой говорит он о себе, о своей вечной неудовлетворенности в другом стихотворении.

Он не замыкался только в военном материале. Он был полон любопытства к миру, много ездил по стране, не раз бывал за границей и оставил после себя немало талантливых строк о нашей мяту-

щейся, мучимой бессонницами современности. «Его поэзия, — писал Юрий Бондарев, — соткана из молодости и зрелости, ибо проникнута глубинным видением мира, наделена властным излучением чувства и мысли, и этот союз долговечен».

О нем говорили, что его слово заковано в броню мужества. Его верность военной теме ставилась не раз в пример. Но только теперь, с выходом книги «В легкой песне берез», нам приоткрылся тот «укром» его творческой биографии, о котором он предпочитал ничего не говорить, который он не выставлял напоказ. В своих исканиях он знал и победы и поражения. И, может быть, как раз в том, что он относил к поражениям, теперь с особой наглядностью открывается нам сложность и мучительность его творческого поиска. Более того, на примере Сергея Орлова виден драматизм исканий всей нашей военной поэзии.

В книге «В легкой песне берез» Сергей Орлов предстает не в том обличье, в котором мы привыкли его видеть. Традиционное представление о нем как о «поэте-танкисте», о певце боевой юности сильно потеснено многими стихами, которые автор долго прiderживал, видимо, не решаясь вывести их в свет из-за слишком «гражданской», слишком лирической одежды.

Рассказывая о пережитом на войне, Сергей Орлов все эти годы напряженно искал связи с тем миром, который война отторгла от него. «Там, за горами горя солнечный край непочатый», — говорил великий поэт. Этот солнечный, непочатый край был вождленной мечтой Сергея Орлова. Он жаждал ощущений первородства в слове, в образе, в чувстве, в красках, того первородства, которое даруется поэту органично, молодо связанному со всем, что принято называть поэзией жизни.

День падает и, словно

колокольцы,
звенят капли, осыпаясь с крыш,
День падает куда-то за околицу,
в вечернюю пустующую тишь.
Сейчас его пылающая крошка
сверкнет огнем и скроется из

глаз —
встают стеною черною потемки
на синий и зазеленный наст.
Еще живут дневные звуки

в воздухе,
но и они уймутся, день погас,
день золотой, и голубой,
и розовый,
весенним светом озаривший
нас.

Словно не было ни войны, ни трудной фронтовой дороги, ни горестных потерь и горестных раздумий. В мир входит молодой, восторженный человек, озаренный весенним светом радости, глазастый юноша, полный доверчивой наивности и жизнелюбия, чутко вбирающий в себя каждый звук, каждый шорох окружающей природы. А это написано, когда Сергею Орлову было уже за пятьдесят и он не раз уже повторил, что для него «вся жизнь — война».

Два образа настоящей варьируются в стихах Орлова, которые условно можно отнести к мирной, «гражданской» теме. Образ тишины и образ все омывающего дождя.

Самое тихое время суток,
кажется, в мире даже дорог
нет.

Воздух, как спящий ребенок,
чутко,
ладонью ударь — и он сразу
вздрагнет.

Только человек, прошедший сквозь грохот танкового боя, «оглохший от бомбометанья» и артиллерийских выстрелов, может нести в себе эту жажду тишины и робкой, знобящей нетронутости природы. «Звездный коврик ледяной. И ни шороха, ни замети — вот он белый-белый свет, нарисованный по памяти через много-много лет». В самих этих настойчивых повторениях живет нестихающая боль по потерянной стране детства, по тому белому-белому свету, который остался за выюжными, дымными пространствами войны.

Он пишет то о «зрелой тишине», то о «знойной тишине», то о «дремучей тишине», то даже о «бурях тишины». Подчас эти строки о тишине звучат как заклинание: вернись мгновение, ты прекрасно! Не надо думать, что эта жажда тишины есть уход Орлова от громкой гражданственности. Нет, наоборот, она еще одно подтверждение его высокой гражданственности, выискующей цельности мира, неразделимости его на военное, послевоенное и довоенное время. Сергей Орлов чутьем большого художника понимал, что вечность поэзии — в ее неразменности на мелкую монету камерной, пейзажной, интимной и бог знает какой еще лирики. Его стихи нельзя разделить на стихи о природе или о заводе, о деревне и о городе, об истории или современности, о любви или дружбе. Его стихи — стихи о мире, в котором он жил, боролся, мучился, страдал, радовался, искал, ошибался. О мире, в котором все связано корнями, надо только найти эти связи, эту

корневую систему, пронизавшую почву времени.

Все кончится. Уйдут пустые
споры.

И скорбь за рюмкой водки
за миры.

Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.
Останется лишь то, что ты

однажды
Уже узнал, вися на волоске,
— Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

Огромное небо пережитого и травинка мечты соединились в поэзии Сергея Орлова не сразу и не просто. Он прошел сложный творческий путь, прежде чем нашел эту связь, прежде чем возжаждал этой неразрывности, прежде чем испытал эту неутоленную тоску по «жаркой планете юности». Мир раскололся, и трещина прошла по сердцу поэта, говорил Генрих Гейне. Многие стихи из книги «В легкой песне берез» являются стихами человека, который мучительно переживал эту рассеченность мира и настойчиво пытался засыпать, заровнять трещину, прошедшую через весь материк жизни военного поколения. Он упорно торил дорогу в ту «лесную сторону» былого, без которой жизнь была бы неполной и нецельной.

Кажется: пока что не открыта,
там, за радугой, лежит она —
солнцем залита, дождем

промыта —
необыкновенная страна.

Наша критика много и интересно писала об обретениях военной поэзии, о мужестве ее интонации, о впечатляющей силе нарисованных ею картин войны, о достоинстве ее гражданской и нравственной позиции. Гораздо реже писала она о потерях военной лирики, о том, как она подчас замыкалась в своем военном времени, в своих фронтовых буднях, как не всегда находила выход на большие пространства истории, не всегда умела поверять слово вековой жизнью народа, поэзией простых вещей, как выглядела подчас молодым стариком в этом вечно молодом, несмотря на пережитые неслыханно тяжелые испытания, мире.

В поэзии Сергея Орлова, Михаила Дудина, Федора Сухова, Владимира Жукова, Михаила Луконина, Бориса Слуцкого, Александра Межирова всегда присутствовал этот второй план, этот контекст тревоги за судьбу слова, постигающего современный век в его разрывах и трещинах, в его жажде единства и многозвучности. Суровый голос мужества они

мечтали соединить с восторженным голосом молодого восприятия жизни, связать воедино все звуки и краски мира. Может быть, в этой жажде цельности, в этом отрицании отрицания и состоит главное, неумирающее достоинство творчества поэтов военного поколения.

Со дна траншей мы наблюдали
звезды

и до конца поверили земле,
седой, колючей, неуютной,
грозной,

в цветах невзрачных, пепле
и золе.

Для нас была единственной
защитой

насыпанная бруствером она,
и звезды — лучезарные

зениты —
нам были ярче видимы

со дна.

Цена жизни узнается тогда, когда ее надо отстаивать в смертельной схватке с врагом. Красота мира пронзает сердце тогда, когда возникает ощущение, что ты можешь ее утратить. Цельность мира, его хрупкость, его ранимая суть познаются тогда, когда сквозь вас летят осколки этого взорванного мира.

Сергей Орлов с болью пережил утрату этой цельности и настойчиво искал ее возвращения в свою поэзию. Ярчайший тому пример — эта посмертная книга.

Мне никогда не обрести

покоя,
пока я жив, пускай меня

несет,
как в океане шхуну китобоя,

до всех недостижимых
широт.

По всем путям и перепутьям
дальним,

навстречу всем тревогам
и ветрам

я жить хочу, я жить хочу,
с печалью

мешая злую радость
пополам.

«Шхуну» поэзии Сергея Орлова несло на большой простор, к берегам довоенного детства, к берегам русского Севера, терпеливого хранителя исторической памяти, к многолюдным берегам современности, охваченной тревогой за судьбы мира и человека.

Сергей Орлов был вечным строителем моста через ту трещину мира, о которой говорил великий немецкий поэт. Я говорю «вечным» потому, что слово настоящего поэта не умирает. Оно продолжает строить мост, связующий настоящее и прошлое, молодость и зрелость, наивность и опыт, печаль и радость, боль и надежду.